

Г.П. КИБАСОВА, Р.Н. КИЦЕНКО
(Волгоград)

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ РУССКОГО
ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ**

Рассматриваются особенности взаимодействия русского этноса и его природной среды обитания. Показано, что своеобразии природно-экологической ниши, сложность адаптации к ней были закреплены в русском этническом самосознании и менталитете народа.



Ключевые слова: этнос, вмещающий ландшафт, природно-географическое пространство, пространственные детерминанты, этническое самосознание.

Корни этнического самосознания уходят в историю формирования народа. Для русских это тысячелетний исторический путь: с момента отделения восточной ветви от славянского массива (VI–VII вв.) до оформления великорусской народности в XVI–XVII вв. Мы будем исходить из общепринятого понимания этнического самосознания как субъективного фактора, отражающего объективно функционирующую реальность. Важно понять, при каких доминантах формируется этническое самосознание, каковы его содержательное наполнение, интенсивность и регулятивная способность.

Практика освоения столь значительных природно-географических пространств формировала особый склад русского этнического самосознания, в котором взаимоотношения с вмещающим ландшафтом играли, да и продолжают играть, центральное место. Можно сказать, что эти взаимоотношения стали основой миропонимания русского народа. «Просторность» русских земель всегда расценивалась как важнейший этнопсихологический фактор, обуславливавший «власть пространства» над русским мировосприятием, что и позволяет нам говорить о пространственных детерминантах этнического самосознания.

Для того чтобы были понятными следующие рассуждения, объясним, что мы понимаем под пространственными детерминантами. В самом простом смысле их можно свести к воздействию природно-географической среды на этническое само-

сознание, но такой подход малопродуктивен и дает основание для обвинения в географическом детерминизме, поскольку до сегодняшнего дня это воздействие понимается формально.

Нам представляется методологически важной мысль Х. Ортеги-и-Гассета о том, что в реальности мира особую роль играют «обстоятельства», во многом определяющие жизнь сообщества и человека: «Для того, чтобы было возможно решение, нужно одновременно дать свободу и границы, относительную детерминацию. Это выражается категорией “обстоятельства”. Жизнь всегда оказывается в определенных обстоятельствах в расположении кругом нее – *circum* – вещей и лиц» [3, с. 184].

Следовательно, при анализе специфики формирования самосознания русского этноса необходимо учитывать следующие «обстоятельства» его развития: освоение обширных территорий и постоянные контакты с инокультурными этносами, перманентная смена места жительства, крайне суровые, неустойчивые климатические условия и, как следствие, непредсказуемость результатов сельскохозяйственного труда, постоянные пожары и т.д. Добавим также историческое усложнение геополитической ситуации. Только приспособление к этим объективным обстоятельствам могло позволить этносу выжить и освоить столь сложную среду обитания, а этническое самосознание закрепляло специфические способы существования, обеспечивающие сохранение данного этноса. Все это и позволяет нам поставить проблему пространственных детерминаций этнического самосознания.

С нашей точки зрения, более продуктивно рассматривать взаимоотношения с территорией обитания в телеологическом ключе. Мы имеем в виду, что процесс освоения природно-географических пространств определяется основным смыслом существования этноса, который состоит в выборе условий, обеспечивающих сохранение данной человеческой популяции. Целям сохранения конкретного этноса отвечают и способ освоения земных пространств, и особенность пространственных представлений этноса, и организация его территориальной обособленности, самобытные у каждого этноса. В других условиях данная практика

освоения и понимания пространства неприемима, поскольку отвечает жизненным потребностям конкретного этноса. Смыслообразующая база для этноса формируется как когнитивной, так и эмоциональной составляющей. Представления – это когнитивное поле этнического самосознания. Однако, поскольку все наши представления мы переживаем, включается и эмоциональная сфера.

Идентичность, как известно, существует не сама по себе как набор эмоционально окрашенных представлений, в ней присутствует очень важный регулятивный, поведенческий компонент. Он-то и объясняет, почему этническое самосознание «руководит» поведением этнической группы. Этот компонент наиболее очевидно выражен в интересах, осознаваемых людьми как этнические.

Этнические представления отличаются особой устойчивостью. Будучи транслируемыми из поколения в поколение, они обладают свойством нормативного воздействия на людей. Фактически речь идет о сохранении «культурного ядра», наличием которого объясняется жизнеспособность этноса. С учетом этих замечаний рассмотрим специфику формирования, интенсивность, содержательное наполнение, регулятивные возможности русского этнического самосознания.

Для русского этноса особую, жизнеобеспечивающую роль играли природно-пространственные детерминанты. В этих необъятных пространствах, в русской природе (лес, река, степь), в возможности практически безграничного перемещения народ видел важнейшее условие сохранения себя как целостности, что способствовало формированию особого взгляда на мир. О влиянии природно-географических пространств на ум и душу русского народа писали многие авторы. Наверное, самый яркий образ этого взаимодействия дал Н.А. Бердяев. В работе «Судьба России» он писал, что хорошее и плохое в русском характере проистекают из главной природной особенности – необъятности географического пространства [1]. Ему же принадлежит известная фраза: «Русская душа ушиблена ширью (пространством), она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает ее».

«Обреченность» на смену мест обитания и, следовательно, временность поселений (прибавим к этому постоянные пожары) лишали крестьянина стимулов к «сред-

ней» бытовой культуре, поэтому, как отмечает Н.А. Бердяев, русский человек не умеет обустроить свое место, свой быт, он не практичен, не расчетлив, не находчив, не заинтересован. Если выживание для русского этноса означало смену мест обитания, то, следовательно, и не могла сложиться развитая бытовая культура. В обратном случае она держала бы, «привязывала» человека к месту, а именно возможность «уйти» под воздействием объективных неблагоприятных факторов обеспечивала выживание. Следовательно, есть внутренняя связь между постоянной сменой мест обитания и неразвитостью «средней» культуры. Русский народ как вечный переселенец и не мог быть обременен высокоразвитой бытовой культурой, поскольку чем выше ее уровень, тем ниже способность к миграциям.

Пространство, место обитания этноса можно понимать как «вмещающий ландшафт» (Л.Н. Гумилев). Данный термин более точно и определенно соотносит социум с окружающим миром, который, в свою очередь, формирует то или иное представление человека о пространственных параметрах видимого мира. Территория расселения русского этноса включала и широкое многообразие георельефа (равнины, холмы, леса, речные и озерные долины), и неравномерность климатических и почвенных условий. Все это требовало одновременной «акцентуации» различных природно-географических условий и формирования различных способов адаптации к ним. От данных факторов зависело решение социальных, политических, военных вопросов. Образно говоря, не человек манипулировал пространством, затягивал его слоями социальных взаимодействий (как на Западе), а пространство «диктовало» этносу, где селиться, строить, чем заниматься, как воевать, выживать. Это означало признание и подчинение его «диктату», его «детерминации», что формировало особое (если можно сказать, уважительное) к нему отношение. Мы имеем в виду возможность и способность русского этноса к освоению таких грандиозных пространств и «владению» ими. Сохранение этих территорий, упование на них – одна из важнейших черт этнического миропонимания. «Охват», осознание огромных территорий как своей Родины, как важнейшего условия выживания и сохранения этноса составляло доминанту этнического самосознания.

В ходе освоения природных пространств русский этнос выработал особую доминанту, где векторным направлением можно считать не только «радиальное освоение», но и понимание пространства как некоего пути, который необходимо пройти. В последующем территория осваивалась, становилась «своей», обживалась, требовала централизованных органов маркировки и защиты (власть, граница, армия). Экстенсивные формы земледелия гнали русских все дальше и дальше на северо-восток, продвигая тем самым все дальше защитные рубежи и поселения.

Перманентное расширение этнической территории сделало базовым национальным символом образ «пути-дороги», а главными действующими лицами нашей истории – землепроходцев, странников, вольных людей. В этническом самосознании образ пространства предстает как путь, как отодвигание границ. Поэтизация пути-дороги и вечного странника в литературе, в фольклоре, безусловно, отражает существенные черты русского этнического самосознания. Человек в русской литературе рассматривается не только с точки зрения его внутренних характеристик, но и с позиций пространственного бытия, во взаимодействии с другими народами. Именно на Руси сложился своеобразный жанр «хождений» в «Святую землю», в Царьград (центры мировой цивилизации), «За три моря...» и т.д. Русский человек отмеряет пространство, сообразное своему духовному состоянию, – он сопоставляет свое миропонимание с воззрениями тех людей, к которым он отправляется и с которыми контактирует в пути [2].

Такое восприятие пространства формировало особые черты этнического характера, которые позволяли адаптироваться к вновь освоенным территориям. Постоянная смена мест обитания стимулировала способность русских приспосабливаться к самым разнообразным природно-географическим условиям. Это одна из уникальных способностей русского этноса и доминанта его этнического самосознания, которая настолько глубоко вошла в сознание, что является преобладающей и в социальных отношениях.

Проблемы адаптации к природной и социальной среде имеют особое значение, т. к. освоение русскими обширной территории было связано с включением в состав своего государства большого количества коренных этнических групп. Кроме того, континенталь-

ность географического положения предполагала частоту межэтнических контактов. По всей вероятности, включение окраинных земель в состав этнической территории способствовало адаптации к иноязычным культурам, что переходило впоследствии в качественную характеристику «комплиментарности» менталитета русских. Традиции и жизненные устои малых народов по необходимости включались в социальный опыт русского этноса. Пространство России воспринималось как «поле» взаимодействия культур с целью дальнейшего продвижения и освоения новых земель.

Отношения «человек–природа» в русском самосознании занимали и занимают одно из центральных мест. Мы и сегодня под «властью земли» [4]. Глеб Успенский, которому принадлежит это выражение, видел в ней то организующее начало, которое веками управляло поступками русского человека, было главным не только по отношению к народному духу, к народной мысли, но ко всему складу народной жизни.

Этническое самосознание фиксирует прежде всего «образ себя», «образ врага» и «образ союзника». Так вот, русский этнос великой своей исторической работой по освоению столь сложных природных пространств добился того, что они стали его союзником. Правда, природа была союзником требовательным и своенравным, поэтому суть отношений русского этноса и пространственно-природной среды можно охарактеризовать как уважительное добрососедство. Ведь русская природа крайне «капризна», неустойчива, требовательна к человеку и этносу, что и заставляло С.М. Соловьёва постоянно напоминать о том, что природа русскому человеку «мачеха».

Русская природа, по выражению В.О. Ключевского, много «поработала» над «национальным характером великорусского племени». Важно отметить, что именно природные маркеры (лес, река, озеро) задавали параметры социальной организации русских. Они же были очагами расселения, источником существования и процесса организации человека. Лес, река и степь – основные «стихии русской природы», каждая из которых оказала влияние на жизнь русского человека.

Русский этнос в своих многовековых странствиях, как никакой другой народ, научился «слушать» природу, «чувствовать» ее тайны, воспринимать ее как полноправного участника своего исторического бытия. Сло-

жившаяся практика освоения земель стимулировала у наших пращуров прежде всего формирование пространственных, ситуативных, образных представлений. Это не говорит, конечно, о преимущественном развитии правополушарного, невербального мышления, на чем, собственно говоря, и строились мифы о неспособности русских к логическому, рациональному восприятию мира, а только о субординации правополушарного и левополушарного мышления. Специфические обстоятельства формирования русского этноса позволяют констатировать, что по мере расширения территории обитания одним из основных условий выживания была способность к ассоциативному мышлению. Для русских важнее было умение «предчувствовать», «предугадывать» развитие каждой жизненной ситуации, чем необходимость ее «просчитывать», «планировать».

Таким образом, освоение столь своеобразной экологической ниши формировало у русских особый склад самосознания, специфика которого во многом была предопределена природно-пространственными детерминантами. В самосознании русских территория обитания (и возможность ее расширения) являлась важнейшей целью-ценностью, сохранение которой требовало особых форм социально-политической организации, т. е. этнический компонент накладывал свои требования на социальные процессы.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М. 1990.
2. Ерёмин Е.П. Литература Древней Руси. М.–Л., 1966.
3. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
4. Успенский Г.И. Власть земли. М. : Сов. Россия, 1988.

Ethnic determinants of the Russian ethnic consciousness

There are considered the peculiarities of collaboration of the Russian ethnos and its natural habitat. There is shown that the peculiarity of natural and ecological niche, complexity of adaptation to it are fixed in the Russian ethnic consciousness and people's mentality.

Key words: *ethnos, containing landscape, natural and geographical space, spatial determinants, ethnic consciousness.*

О.В. ГАЛКОВА, А.В. ПЕТРОВ
(Волгоград)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОБ ОХРАНЕ АРХИТЕКТУРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Проанализированы зарождение и развитие международной правовой базы сохранения и защиты архитектурного культурного развития.

Ключевые слова: *архитектурное культурное наследие, архитектурный ансамбль, архитектурный памятник, достопримечательное место.*

Первая попытка выработать общие для всего международного сообщества принципы отношения к историческому архитектурному наследию была предпринята в XIX в., когда «Обществом по защите древних зданий» был опубликован Манифест – короткое «заявление о намерениях», утверждавшее настоятельную необходимость защиты и реставрации памятников архитектуры. Манифест явился отправной точкой для более поздних документов, существенно дополнивших его содержание.

На организованной Международным управлением музеев в 1931 г. в Афинах конференции были выработаны основные принципы международного кодекса поведения в целях сохранения и защиты архитектурного наследия, зафиксированные в Афинской хартии. Значительную часть содержания составили принципы сохранения и защиты памятников архитектуры, разработанные еще в 1883 г. итальянским искусствоведом и архитектором Камилло Бойто: памятники ценны не только для изучения архитектуры, но и как свидетельство истории людей и государств; памятники должны быть скорее усилены, чем починены, скорее починены, чем реставрированы, также необходимо избегать добавлений и реноваций; если требуются добавления, они должны быть выполнены на основе конкретной информации о различных характеристиках материалов, в то же время следует сохранить настоящий вид здания [1].

Афинская хартия оставалась главным ориентиром в выработке политики в области сохранения памятников архитектуры вплоть до мая 1964 г. В это время по инициативе созданного в 1956 г. Международного совета по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС) в Италии прошел Второй Международный